

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 821.161.1-1(Херасков М. М.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)4-8,445

М.С. Яблошина

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

ЗАМЕТКА О СООТНОШЕНИИ СЮЖЕТА «РОССИАДА»

М.М. ХЕРАСКОВА С СОБЫТИЯМИ КАЗАНСКОГО ПОХОДА

1552 ГОДА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В данной статье эпизоды Казанского похода 1552 года, известные нам из летописей и письменных свидетельств участников, сравниваются с их описанием в героической поэме «Россияда» М.М. Хераскова. Результаты сопоставления позволяют лучше понять авторские мотивы и точку зрения, также как и некоторые материалы, с которыми он работал, создавая произведение.

Ключевые слова: эпические поэмы, исторические поэмы, поэтическое творчество, русская литература, русские поэты.

Во времена господства в русской словесности классицистического направления считалось совершенно необходимым создание национальных эпических поэм, которые могли бы увенчать собой жанровую систему, придав ей необходимую величественность и героический размах. У англичан был Мильтон с «Потерянным раем», у французов – Вольтер с «Генриадой»... Казалось бы, с героическим материалом, предоставленным российской историей, для талантливого русского автора было бы не так сложно создать произведение, которое бы сравнилось с лучшими европейскими аналогами... Долгое время главным претендентом на роль героя национального эпоса был Пётр Первый, но работы над посвящёнными ему поэмами по той или иной причине не удавались (дальше всех в этом деле зашёл М. Ломоносов с неоконченной поэмой «Пётр Великий»; нельзя не упомянуть и А. Кантемира с его первой книгой «Петриады»). М. Херасков находит вдохновение в более древних веках и посвящает свою

работу не первому императору, но первому Царю всея Руси и завоеванию Казани.

Работа над поэмой «Россияда» идёт с 1771 по 1779 годы. Результат трудов, увенчав современную Хераскову русскую классицистическую литературу, довольно быстро отходит на задний план, если не сказать – вызывает отторжение у читателя. В начале XIX века А.С. Пушкин в письме к П.А. Вяземскому от 27 марта 1816 года уже воспринимает чтение «венца поэзии» скорее как наказание: «Целый год ещё дремать перед кафедрой... это ужасно. Право, с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой «Россияды», даже с присовокуплением к тому и премудрой критики Мерзлякова...» [Пушкин 1962: 8]. А.Ф. Мерзляков в 1815 году посвятил этой поэме 2 статьи: «Россияда. Поэма эпическая г-на Хераскова» и «Россияда. О слоге поэмы». И в первой из этих работ он, хоть и несколько восторженно, но справедливо замечает: «Поэма Хераскова заслуживает, чтобы на неё обратили особенное внимание, потому <...> что она есть зеркало, в котором представляются знаменитые деяния предков наших, назидательные примеры великодушия, мудрости, храбрости, терпения, любви отечественной...» [Литературная критика... 1980: 168]. В наше время, хоть и по другим причинам, российские исследователи снова обращаются к «Россияде». В 1992 году опубликована статья М. Гришакowej «Символическая структура поэм М. Хераскова», раскрывающая особое, нетрадиционное для современников поэта построение сюжета, аллегоричность и символичность текста. Наиболее поздние работы, близкие нашей теме, созданы А.И. Любжиным – «Христианские источники "Россияды" М.М. Хераскова» (2005), в которой исследователь показывает параллели между текстом поэмы, «Освобождённым Иерусалимом» Тассо и Священным Писанием, и "Россияда" и античная эпическая традиция» (2012), указывающая на источники вдохновения Хераскова в поэзии Гомера, Овидия, Вергилия, Лукана. Целостной работы, посвящённой историческим источникам «Россияды», пока что не существует, но, конечно, со всё возрастающим интересом к творчеству Хераскова, это будет исправлено.

Нам фигура Ивана Грозного может казаться, мягко говоря, неоднозначной. С одной стороны, мы видим в нём царя-тирана, сумасброда, истощившего страну порядками опричнины и убившего сотни и тысячи людей. Н.М. Карамзин, например, прямо называл эпоху правления Ивана IV «феатром ужаса», а самого царя – тираном, «ненасытным в убийствах» и испытывавшим «гнусные восторги сластолюбия мерзостного» [Карамзин 2010: 264]. С другой стороны, сегодня мы наблюдаем обратную тенденцию: грозный царь идеализируется, отходит на второй план его жестокость и акцентируется его роль как завоевателя и первого царя России. Яркое тому доказательство – установка 14 октября 2016 г. в Орле памятника Ивану IV.

Для Хераскова же это царь-объединитель земель, просвещённый монарх, ревнитель веры – по крайней мере, таким он должен выглядеть в героической поэме в соответствии с классицистическим стандартом! Ещё в самом начале, в «Историческом предисловии» к третьему изданию поэмы, поэт напоминает читателю: «История затмевает сияние его славы некоторыми ужасными повествованиями, до пылкого нрава его относящимися: верить ли толь несвойственным великому духу повествованиям, оставлю Историкам на размышление» [Херасков 2003: 3]. Здесь же автор предупреждает: «Да памятуют мои читатели, что как в Эпической Поэме верности исторической, так в деписаниях Поэмы искать не должно. Многое отметал я, переносил из одного времени в другое, изобретал, украшал, творил и созидал» [Там же: 4].

Вообще, нужно отдать поэту должное: пусть он «многое отметал», но всё же включил в поэму некоторые очень точные подробности военных манёвров при осаде Казани – посмотреть, например, хоть на взятие Арского острога, описанное в поэме, и отражение роли в осаде Казани этого момента, который О. Хованская, например, считает ключевым [Хованская 2010: 89]. Нам, тем не менее, любопытны наиболее яркие исторические «неточности», допущенные автором с умыслом или без.

Не стоит, конечно, и говорить, что огромное количество «изобретений» и «украшений» в поэме относится к сфере религиозно-мистического и фантастического. Ангелы и души

предков являются героям во сне, Казанский царь восстаёт из могилы по зову колдуньи-жены Сумбеки, к царю Иоанну на драконе слетает пророк Мухаммед, злые духи и казанский ведун обращают против русского войска силы природы и т.д. и т.п. Хотя эта тема тоже любопытна, нас интересуют те «неточности», в которые читатель очень легко может поверить.

Для начала отметим, что в поэме описан только один поход 1552 года, причём так, что создаётся впечатление, будто идея именно этого, единственного похода, пришла царю свыше, и ранее он не предпринимал попыток разгромить Казань. Первый поход, начавшийся в декабре 1547 года, с осадой в 70 дней, окончился неудачей, также как и второй, в 1550 году. В «Россияде» о предыдущих двух походах не говорится, хотя крепость Свияжск, построенная в 1550 году, как результат провала второго похода, упоминается постоянно, а союзник Ивана IV с первого похода, Шах-Али (в поэме – Алей) вообще является одним из главных героев. Вероятно, поэту хотелось показать один победоносный поход, вдохновлённый историческим и религиозным предназначением; это же подтверждается тем, что причинами похода, кроме очевидной политической сообразности, в «Россияде» указывается месть за всех царственных предков Ивана IV, погибших от рук ордынцев, и миссия по распространению православной веры. Походу придаётся более благородный вид, так как добрый царь, радеющий в походе за своих воинов, переносит с ними все его тяготы, да к тому же по пути укрепляется в христианской вере, встречая мудрого старца-отшельника, открывающего ему мистические тайны и грядущее в скрытом горном храме (в котором, не будь похода, царь никогда бы не оказался).

Нужно заметить, что и с Казанской стороны без одной маленькой «перенесённой во времени» детали события в поэме шли бы совсем по-другому. Сумбеке – главному действующему лицу из всех противников царя Иоанна, с её сердечными метаниями, ворожбой и действиями в Казани посвящена, фактически, почти половина текста поэмы. Между тем с точки зрения исторической достоверности Сумбеки в поэме быть не должно. Казанскую царицу Сююмбеку с младенцем Утямышем

(сыном почившего хана Сафы Гирея, причём мальчик в поэме достаточно большой, чтобы утешать мать) передали Москве ещё во время переговоров до начала военных действий 1552 года. Херасков, конечно, не упускает такой драматичный эпизод и включает отправление Сумбеки в ладье к лагерю россиян – только уже во время осады (песнь десятая).

Ещё одно крупное героическое «преувеличение» Херасков допускает при описании событий, произошедших во время марша войск на Казань. В Коломне царь получает известие о том, что крымский хан Давлет-Гирей осадил незащищённую Тулу. Грозному пришлось двинуть часть войск к Туле, но узнавший о надвигающейся опасности, хан быстро свернул лагерь и оставил на некоторое время свои планы завоеваний – битвы, таким образом, не состоялось. Это вполне неоднозначно подтверждает Андрей Курбский в своей «Истории о великом князе Московском», отправленный с частью войска на разведку против Давлет-Гирея: [заметив их] «Стража татарская утече ко царю и поведает ему о множестве войска христианского, и мняще, иже сам князь великий прииде со всем своим воинством. И тое ноци царь татарский от града утече...» [Курбский 1913: 14]. Но как может поэт упустить такой шанс для воспевания военной доблести россиян! В поэме сражение с крымским войском становится символическим предвестием победы над казанским: «Мы Крымцев победив, низложим и Казань; / Злодейски замыслы Ордынцев уничтожим» [Херасков 2003: 84]. Поэтому ни в коем случае нельзя, чтобы вражеское войско просто отступило! Херасков вводит нового персонажа – храброго крымского полководца Исканара, который поддерживает дух солдат и не даёт им бежать с поля боя. По сюжету «Россияды», в песни шестой войско Курбского подстерегает крымский лагерь ночью и нападает, имея на своей стороне элемент неожиданности. Битва заканчивается, в лучших былинных традициях, богатырским единоборством Курбского и Исканара, в котором князь отсекает сопернику часть головы. Кроваво, но подвиг есть подвиг.

Во время дальнейшего похода армия также испытывала трудности с фуражом. Курбский пишет: «И аки бы по пяти

неделях, со голодом и с нуждою мною, доидохом до Суры» [Курбский 1913: 14]. Херасков, вероятно зная об этих свидетельствах, увеличивает страдания войска в походе до эпических масштабов: люди не только голодают и жаждут, но также страдают от страшной жары, насланной казанским волхвом Киреметом, и горячего быстрого ветра, который снижает видимость и затрудняет дыхание. Кроме того, поэт добавляет препятствий и части войска, отправленной на судах по Волге – тот же Киремет баламутит воду в реке, делая продвижение опасным. Прекращаются несчастья только после путешествия Царя со старцем Вассияном в тайный храм, по воле божией (песни восьмая – девятая).

Из песен «Россияды», в которых описывается собственно осада Казани, становится понятно, что Херасков во многом опирался не столько на летописные свидетельства (очень подробно описывает поход Царственная книга XVI в.), хотя на них, очевидно, тоже, сколько на более эмоциональные свидетельства Курбского. Так, перед первой битвой под стенами города, во время приступа, автор (а с ним и герои) отмечает неестественную тишину: «Преходят; зрится им Казань как улий пчел, / Который меж цветов стоящий запустел; / Молчаща тишина во граде пребывала, / Но бурю грозную под крыльями скрывала» [Херасков 2003: 168]. Сравни описание у Курбского: «Град же видохом аки пуст стоящъ, иже а ни человек, а ни глас человекъ ни един отнюдслышашеся в нём» [Курбский 1913: 16]. Это затишье – из-за засады, которая готовится за Арскими воротами, и эта вылазка действительно произошла, хотя в летописи и не говорится о «затишье» [Хованская 2010: 85]. Знание Херасковым и мельчайших летописных деталей всё же также заметно; например, он вводит в повествование разумного мужа Розмысла, который делает подкопы и закладывает порох – такое имя упоминается и в Царственной книге [Полное собрание... 1906: 506].

Любопытнейший и характернейший момент повествования в «Россияде» с точки зрения сопоставления исторических источников и нравственно-этической позиции автора – обращение с пленными. И летопись, и Курбский описывают

эпизод во время осады, когда пленных казанцев выводят под стены города, чтобы провести переговоры с осаждёнными. Царственная книга описывает это так: после выведения пленных, гражданам поставили ультиматум: «бити челом», или, если «не учтут бити челом, государь тех живых, кои поиманы живы, велит побити. Граждане же не учиниша ответу, и царь их перед градом приведчи, велел их побити всех» [Там же]. Это, безусловно, жестоко и не с лучшей стороны показывает царя. У Курбского этот эпизод описан почти апологетически, как будто царь и не виновен в смерти пленных: «Повелел, пред шанцы выведши, привязати их к колю, да во граде своих молят и напоминают: да подадут Казанское место цареви христианскому; они же, от сих словес выслухав тихо, абие начаша стреляти с стен града, не так по наших, яко по своих, глаголюще: «Лучше, рече, увидим вас мёртвых от рук наших бусурманских, нежели посекли вас гауры!» [Курбский 1913: 22]. То есть пленных убили сами казанцы! Херасков, опираясь на версию событий Курбского, как более благоприятную для образа царя, доводит события в повествовании до наиболее «светлой» версии: увидев, что в пленных начали стрелять со стен, царь даёт приказ увести пленных на дистанцию вне полёта стрелы, смягчившись сердцем.

В целом же можно сказать, что целью Хераскова было создание произведения, которым его современники могли бы гордиться и в творческом, и в сюжетном аспекте, произведения, венчающего жанровую систему русского классицизма. Неудивительно, поэтому, что в «Россияде» происходит героизация событий, увеличение числа сцен «ратной доблести» по сравнению с известными нам описаниями похода и изображение Грозного царя как ревнителя православия и просвещённого монарха; у него даже опричники уже есть – как приближённая образцовая «гвардия» в чистых белых одеждах. Прекрасная с художественной точки зрения поэма имела и масштабный, значимый исторически сюжет, и персонажей, на которых можно равняться, и эпического размера битвы, и сентиментальную историю любви – казалось бы, в «Россияде» есть всё, чтобы надолго занять высокие позиции в литературе. Но, получив заслуженное признание, она скоро отошла на

второй план. Немаловажную роль сыграло набравшее силу в начале XIX века движение последователей Н.М. Карамзина, которые считали, что слог Хераскова слишком тяжёл для изящной словесности нового времени. Но, ещё вероятнее, поэму «подвёл» сам материал: с выходом в 1818 году первых 8 томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, трехтысячный тираж которой читатели буквально смели с полок магазинов, большому количеству людей стали известны тёмные стороны личности и правления Ивана Грозного, что дискредитировало «Россиюду» как произведение по отношению к царю хвалебное. Кто знает, быть может, в ходе новых современных дискуссий о личности Ивана IV интерес к поэме в научных кругах снова возрастёт.

Литература

Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М. : Директ-Медиа, 2010. Т. 9.

Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб. : Типография М.А. Александрова, 1913.

Литературная критика 1800-1820-х годов / под ред. Л.Г. Фризмана. М. : Худож. литература, 1980.

Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1906. Т. 13: Так называемая царственная книга / под ред. С.Ф. Платонова.

Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. / под ред. Д.Д. Благого и др. М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1962. Т. 9.

Херасков М.М. Россияда, эпическая поэма. Мюнхен : ImWerdenVerlag, 2003 (переизд. М. : Вь вольной Типографии Пономарева, 1807).

Хованская О.С. Осада и взятие Казани в 1552 году / под ред. К.А. Руденко. Казань : Изд. МОиН РТ, 2010.